

Михаил
АРЦЫБАШЕВ

РОМАН
МАЛЕНЬКОЙ
ЖЕНЩИНЫ

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А88

Арцыбашев, М.П.

А88 Роман маленькой женщины / М. П. Арцыбашев. — М.: Т8 Издательские технологии/ RUGRAM, 2021. — 190 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

Вашему вниманию представляется книга Михаила Петровича Арцыбашева «Роман маленькой женщины».

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

Подпрапорщик Гололобов	5
Паша Туманов	37
Смех	77
Из подвала	92
Из дневника одного покойника	107
Рассказ об одной пощечине	124
Роман маленькой женщины	152

ПОДПРАПОРЩИК ГОЛОЛОБОВ

И псу живому лучше, чем мертвому льву.

Екклезиаст, 9, 4

I

Молодой доктор Владимир Иванович Солодовников вышел пройтись по бульвару, что делал каждый день, если в это время, то есть около семи часов вечера, не был занят у больных. На бульваре он всегда встречал кого-нибудь из своих знакомых и, пройдя с ними весь бульвар из конца в конец, шел в клуб читать газеты и играть на бильярде.

Но на этот раз погода была дурная: небо с утра затянулось сплошными серыми тучами; было ветрено и сыро, а потому на бульваре не было никого, кроме неподвижного постового городского.

Пройдя до конца бульвара, Солодовников повернул назад и решил идти прямо в клуб.

Навстречу ему шел человек, и Владимир Иванович узнал в нем своего знакомого пехотного подпрапорщика Гололобова. Подпрапорщик шел, как всегда, щеголеватою быстрою походкою, бодро выступая лакированными сапогами, высоко подняв сильно подложенные ватой плечи и грудь и мужественно шагая по лужам.

— Здравствуйте, воин, — сказал Владимир Иванович, поравнявшись с подпрапорщиком.

Гололобов вежливо поклонился, дотронувшись пальцами до своей маленькой фуражки.

— Вы куда же стремитесь? — спросил Владимир Иванович только для того, чтобы не молчать.

— Домой, — так же вежливо ответил подпрапорщик.

— А... — сказал Владимир Иванович.

Подпрапорщик Гололобов стоял против него и учтиво ждал. Владимир Иванович решительно не знал, что ему сказать. Он знал подпрапорщика очень мало, встречался с ним редко, а когда и встречался, то не говорил ни слова, кроме «здравствуйте» и «прощайте». Несмотря на это, он почему-то считал подпрапорщика глупым и неразвитым, и в другое время, будь на бульваре кто-либо другой из знакомых, Владимир Иванович не обратил бы на подпрапорщика никакого внимания.

— Ну, путь добрый! — ласково-пренебрежительно, как говорят с людьми несравненно ниже стоящими, когда из чувства собственного достоинства не хотят показать им свое настоящее к ним отношение, сказал Владимир Иванович и подал подпрапорщику руку.

Гололобов пожал протянутую ладонь, опять дотронулся до козырька своей фуражки и пошел дальше, все так же щеголевато выступая лакированными сапогами.

Владимир Иванович пошел в клуб, сыграл три партии на бильярде, причем из трех выигранных бутылок пива выпил больше половины; прошел в библиотеку, где с одинаковым вниманием и интересом прочел обе газеты, одну либеральную, другую консервативную; поболтал с двумя знакомыми дамами и тремя чиновниками, которых считал глупыми, смешными и отсталыми именно потому, что они были чиновниками; потом закусил у бу-

фета и выпил четыре рюмки водки. От всего этого ему стало скучно, и около десяти часов вечера он пошел домой.

Ветер упал, но зато с неба моросил мелкий, холодный и частый дождь. Лужи расплылись, и уже нельзя было их обходить. Приподняв плечи и воротник, аккуратно подвернув концы брюк, Владимир Иванович быстро пошел по бульвару и скоро повернул в улицу, на которой жил.

В третьем доме от угла, за подъездом булочной, ярко освещенное окно бросало в темноту полосу неподвижного света, в которой мелькали капли дождя. Владимир Иванович машинально припомнил, что именно в этом доме живет встретившийся ему сегодня подпрапорщик Гололобов.

Поравнявшись с окном, Владимир Иванович заглянул в него и увидел самого подпрапорщика, который совершенно неподвижно сидел прямо против окна, опустив голову. Владимиру Ивановичу от скуки и оттого, что так недавно он виделся и даже говорил с подпрапорщиком, пришла фантазия попугать его, и он стукнул в окно концом своей палки.

Подпрапорщик Гололобов быстро поднял голову. Лампа освещала его прямо в лицо и очень ярко. Владимир Иванович только теперь как следует рассмотрел его. Очевидно, подпрапорщик был еще очень молод, почти мальчик, ни усов, ни бороды у него не было. Одутловатое книзу, сплошь покрытое угрями, его лицо с маленькими светлыми глазами, с желтыми бровями, белыми ресницами и коротко остриженными серыми волосами было совсем бесцветно и какое-то незначительное.

Гололобов увидал Владимира Ивановича, узнал его и встал. Владимир Иванович, довольный тем, что, как ему показалось, испугал подпрапорщика, хотел кивнуть ему головой, улыбнуться и уйти, но Гололобов вдруг сам кивнул головой, любезно улыбнулся и быстро ушел в глубь комнаты, как будто к двери.

«Что он... позвать меня к себе хочет, что ли?..» — с недоумением подумал Владимир Иванович и замялся на месте, не зная, идти ли ему дальше или подождать.

С подъезда булочной послышался стук отворяемой двери, и из ее черного четырехугольника голос Гололобова сказал:

— Это вы, доктор?

Владимир Иванович, все еще не зная, что ему делать, нерешительно подошел к двери. Гололобов в темноте пожал ему руку и отступил внутрь сеней, давая дорогу. Владимир Иванович последовал за ним.

— Прямо, прямо, доктор, — сказал Гололобов в темноте, и слышно было, как он запирает входную дверь на засов.

«Вот тебе и раз! Нежданно-негаданно попал в гости», — весело подумал Владимир Иванович, путаясь впотьмах среди каких-то кадушек и ларей.

В сенях крепко пахло печеным хлебом и кислыми дрожжами и воздух был теплый, парной.

Подпрапорщик прошел вперед и отворил дверь в освещенную комнату. Владимир Иванович, улыбаясь неожиданному приключению, перешагнул порог.

Оказалось, что подпрапорщик Гололобов занимает всего одну, небольшую и малообставленную неуклюжей старой мебелью комнату.

Владимир Иванович снял пальто, повесил его на вешалку, которую изображал ряд гвоздей, аккуратно вбитых в стену поверх газетного листа, снял галоши, фуражку и поставил палку в угол.

— Садитесь, пожалуйста, — указывая на стул, предложил ему Гололобов.

Владимир Иванович сел и огляделся.

В комнате горела очень плохая лампа, и оттого в ней было темно и сумрачно. Кроме стола, аккуратно прибранной кровати

и шести стульев, расставленных по стенам без всякой симметрии, Владимиру Ивановичу бросился в глаза угол, увешанный множеством больших и маленьких старинных, темных образов в медных ризах, и перед ними зеленая лампадка с подвешенным к ней пасхальным, раскрашенным яйцом.

«Вишь ты, богомольный какой!» — подумал Владимир Иванович и почувствовал презрение к подпрапорщику. Ему почему-то казалось некрасиво-несовместимой богомольность, лампадка и особенно пасхальное яйцо с подпрапорщицким званием и молодостью.

На чистенько застланном скатертью столе стоял потухший самовар, лежали чайные ложечки, щипчики для сахара, стояла вазочка с вареньем. Кровать была покрыта одеялом, а подушки белой накидкой с прошивками. Все было удивительно чисто и аккуратно, но комната оттого казалась только еще более холодной и неудобной.

— Хотите чаю? — спросил подпрапорщик.

Владимир Иванович вовсе не хотел чаю и чуть было не отказался, но подумал, что тогда уже окончательно нечего будет делать, и согласился:

— Пожалуй.

Гололобов старательно вымыл и вытер стакан и блюдечко и налил чаю.

— Извините, пожалуйста, что чай не крепкий, — сказал он, подвигая к Владимиру Ивановичу вазочку с вареньем.

— Ничего, — возразил Владимир Иванович, думая: «На кой черт он меня к себе звал?»

Подпрапорщик сидел у стола, поджав ноги под стул, и машинально размешивал ложечкой чай в своем стакане. Владимир Иванович тоже помешивал свой чай, и оба молчали.

И тут только Владимир Иванович испуганно догадался, что вышло недоразумение: его стук в окно подпрапорщик Гололобов, очевидно, принял за желание войти и теперь сам недоумевал. Владимир Иванович почувствовал себя очень неловко и покраснел. Положение казалось ему глупым и по его вине, а Владимир Иванович, как все здоровые и самодовольные люди, терпеть не мог видеть себя в глупом положении.

— Погода скверная, — недовольно краснея своему началу, проговорил Владимир Иванович.

— Да, погода теперь действительно очень дурная, — поспешно согласился Гололобов и замолчал.

«Как он странно... подробно как-то говорит!» — подумал Владимир Иванович.

Неловкость его быстро прошла, потому что он, как всякий доктор, привык говорить с различными, часто совершенно ему неизвестными людьми. Кроме того, он, как и чиновников, всех военных считал глупыми и не находил нужным стесняться с ними.

— О чем вы тут мечтали? — опять впадая в привычный снисходительно-презрительный тон, заговорил он.

Владимир Иванович был уверен, что хозяин так же вежливо и чересчур подробно ответит: «Я тут ни о чем не мечтал...»

Но вместо того подпрапорщик Гололобов, не подымая головы, ответил:

— Я думал о смерти.

Владимир Иванович чуть не прыснул со смеху, до того несовместимой с белобрысою физиономией подпрапорщика показалась ему такая глубокая и значительная мысль. Он удивился и засмеялся.

— Во-от как! Что же это вам пришли в голову такие мрачные мысли?

— Каждый человек обязан думать о своей смерти.